

Долг ученых

Советские люди осуществляют имеющие огромное значение мероприятия по полному освоению сельского хозяйства, выработанные Центральным Комитетом Коммунистической партии. С новым подъемом трудятся колхозники, работники МТС и совхозов. Из городов едут на работу в село агрономы, инженеры, механики, зоотехники. Рабочие и инженеры заводов и фабрик призваны помочь сельскому хозяйству справиться с новыми задачами. Большая роль в выполнении этих задач отведена сельскохозяйственной науке.

Что сделать, чтобы в разнообразных почвенно-климатических условиях получать всегда высокие урожаи сельскохозяйственных культур?

Как повысить посевную продуктивность животноводства? Какие породы животных надо разводить? Как улучшить имеющийся у колхозов скот?

Как осуществить комплексную механизацию в полеводстве и трудоемких работах в животноводстве?

Эти и многие другие вопросы ставят сейчас практики сельского хозяйства перед учеными и ждут ответов не только четких, но и быстрых. Ведь для достижения резкого передела в сельском хозяйстве отведено лишь два-три года.

Все это требует от ученых вдохновенной и творческой научной мысли, той всепоглощающей страсти, которая владела великим преобразователем природы Иваном Владимировичем Мичуриным.

Мичуринские традиции в науке состоят прежде всего в том, что глубокое теоретическое исследование разрабатывается путем решения практических задач, жизненно важных для народа и государства.

Наша сельскохозяйственная наука, несмотря на серьезные достижения, еще окончательно отстает от вопросов колхозного и совхозного производства. Многие научно-исследовательские учреждения работают в отрыве от практики, не обогащают науку и практику новыми открытиями и предложениями, мало помогают колхозам, МТС и совхозам в полете культуры земледелия и животноводства.

Между тем нигде, ни в одной стране не уделяется сельскохозяйственной науке такое внимание со стороны государства, как в нашей, Советской стране.

В СССР действует более тысячи научно-исследовательских институтов сельского хозяйства, селекционных и опытных станций. Помимо этого, работают полторы тысячи сортоиспытательных участков. В каждом районе имеется контрольно-семенная лаборатория. Общие числа работников сельскохозяйственной науки превышает десять тысяч человек.

Если весь этот многотысячный отряд ученых обратиться к сельскохозяйственной практике и наряду с проведением новых исследований будет всеми силами содействовать проверке и внедрению в жизнь уже сделанных научных открытий, — результаты могут быть огромными. Все новое, все лучшее, что имеет наука в своем арсенале, должно стать достоянием каждого колхоза и совхоза, каждой МТС.

Возможно ли это? Можно назвать ряд научно-исследовательских учреждений, которые на деле доказали, что это достижимо. Взяв большую научную, экспериментальную и теоретическую работу, они в то же время помогают колхозам и совхозам добиваться высоких и устойчивых урожаев.

Неплохой опыт имеет Украинский научно-исследовательский институт зернового хозяйства. Этот институт изучил и разработал агротехнические приемы, обеспечивающие повышение зимостойкости и урожайности озимой пшеницы. Им предложена новая система агротехники кукурузы при квадратно-гнездовом способе посева. Институт создал ценные гибриды кукурузы, которые превосходят по урожайности распространяемые сорта на 15—20 процентов.

Работники института не отгораживаются от колхозов, они работают рука об руку с практиками, передовиками, стараются как можно быстрее внедрить в сельскохозяйственное производство все новое, передовое. Благодаря содействию с учеными колхозники артели имени Чапаева Ново-Московского района, Днепропетровской области, из года в год собирают высокие урожаи зерновых. Средний урожай кукурузы достиг сейчас 50 центнеров с гектара, а переходные зенья получают еще больше — 100 центнеров с гектара!

Реальную помощь колхозам оказывает Институт земледелия Центрально-черноземной зоны им. В. Д. Докучаева. Нет такого дня, чтобы на полях института не побывали колхозники, председатели артелей, агрономы. Сюда едут люди из многих районов страны. В институте есть чему поучиться. Здесь осуществлена темповая система земледелия, выращены лесные полосы, созданы пруды и водоемы.

Большую и плодотворную практическую работу проводит Всесоюзный селекционно-генетический институт им. Т. Д. Лысенко. В колхозах, расположенных даже вдали от этого института, преобладают выведенные

им сорта. Недавно одесская газета «Звезда коммунизма» сообщила, что работники этого института проводят семинар для главных агрономов и главных инженеров МТС, а также для партийных и советских работников села по изучению квадратно-гнездового способа посадки картофеля и посева кукурузы, подсолнечника и других культур.

У нас в стране сделано немало открытий в области сельскохозяйственной науки, но внедряются они пока еще плохо. Объясняется это, помимо других причин, перешителостью, а иногда и безразличием, с которыми многие научные работники относятся к применению своих предложений на практике.

Часто работники институтов и станций думают, будто внедрение новых достижений — не их дело и что работа на производстве будет отрываться их от научной деятельности.

Во многих случаях научные работы считаются законченными, если опубликованы статьи в специальных журналах.

Правильно ли это? Не вернее ли будет считать, что окончательную оценку работе дает не журнал и даже не то или иное научное учреждение, а жизнь, т. е. сотни тысяч земледельцев, которые эту работу применяют на своих полях, на миллионах гектарах? Жизнь неминуемо корректирует, исправляет научные выводы, требует их доработки. Нередко рекомендации, которые в лабораториях кажутся бесспорными, на поля оказываются несовершенными.

Одной из причин отставания сельскохозяйственной науки является то, что в сельскохозяйственных научных учреждениях, в том числе и во Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина, слабо развита критика и самокритика среди научных работников, не организуется творческое обсуждение научных и практических вопросов на основе свободного обмена мнениями, нарушаются принципы коллективности в работе. В институтах нередко культивируется атмосфера полжизни и угодничества вокруг отдельных ученых. Такая атмосфера вредна для науки.

Пытаясь признать нормальным, что распределение научных сил по стране крайне неравномерно. Вокруг небольшого числа наиболее крупных городов теснятся многие десятки институтов и опытных станций. В то время как на огромных пространствах земледельческих районов можно не встретить ни одного научного учреждения. Например, на Украине насчитывается более 150 научных учреждений, занимающихся сельским хозяйством, но они расположены так, что в семи областях из 25 нет ни одного.

Если научно-исследовательские институты и станции будут располагаться равномерно по сельскохозяйственным районам страны и будут способны решать любые научные вопросы применительно к местным условиям, то дело широкого внедрения науки в производство окажется на прочном основании.

Ученых ждет громадная исследовательская, экспериментальная работа, которая потребует от них всех сил, неустанного труда. Предстоит разработка многих новых, интересных в важных проблем, решение которых имеет большое значение для того, чтобы добиться в кратчайший срок обилия продовольствия для населения и сырья для промышленности.

Повышение плодородия почвы, поднятие урожайности овощей и картофеля, создание новых машин, механизация трудоемких работ, подъем продуктивности животноводства и многие другие задачи сельского хозяйства не могут быть решены без участия науки. Многие злободневные вопросы требуют немедленного ответа. Очень важно, например, в кратчайший срок усовершенствовать комбайны, которые могли бы убирать обильные урожаи зерновых с 25—30 и более центнеров с гектара. Селекционеры призваны вывести такие сорта зерновых хлебов, которые не полегали бы при урожае в 40—50 и выше центнеров с гектара.

Сильно отстает работа по экономике и организации сельского хозяйства. Еще февральский Пленум ЦК ВКП(б) в 1947 году обязал ученых заняться разработкой этих вопросов. Но прошло шесть лет, и за это время наука не разработала ни одного крупного вопроса в этой области. Не разрешены важные темы о рациональном сочетании в колхозах различных отраслей хозяйства, о повышении доходности колхозов. Экономисты не обобщают опыта колхозников-передовиков, не вооружают руководителей колхозов научными методами планирования. Нередко бывает так, что агрономические рекомендации и предложения ученых не могут быть применены вследствие их экономической невыгодности.

Решение всех вопросов, поставленных партией и правительством перед сельскохозяйственной наукой, — дело шести ученых.

Смелый эксперимент, глубокая и верная теория, неразрывная связь с практикой — вот чем сильна советская сельскохозяйственная наука. В этом — залог ее большого плодотворного влияния на дело дальнейшего развития сельского хозяйства.

Вечер в Центральном доме литераторов

В Польше начался месячник укрепления польско-советской дружбы. Проводятся тысячи лекций и докладов, посвященных Советскому Союзу, его культуре, демонстрируются советские фильмы, устраиваются выставки книг и картин русских и советских художников, в театрах идут пьесы советских драматургов.

Вчера в Центральном доме литераторов состоялся вечер, посвященный польской литературе. Московские литераторы принимали у себя гостей — писателя М. Домбровского, А. Ковальскую, Ю. Стрыковский, В. Ворошиловского, а также деятелей польской культуры Я. Ротбаума, К. Скушанку, К. Доймека, Е. Раковецкого.

— Мы собрались сегодня, — сказала А. Караваска, открывая вечер, — чтобы поприветствовать наших друзей, наше искреннее уважение строителям новой Польши. Пусть этот вечер явится еще одним вкладом в дело укрепления дружбы между нашими народами.

Ю. Стрыковский кратко охарактеризовал состояние польской литературы. Он заявил, что польская литература стремится служить делу строительства новой жизни, воспитанию нового человека, укреплению мира между народами.

А. Ковальская и М. Домбровская поделились с собравшимися своими впечатлениями о поездке по Советскому Союзу.

— Наше пребывание в Советском Союзе подходит к концу. Мы возвращаемся на родину, к своей работе. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что приобретенный здесь опыт является важным этапом в моей жизни и найдет отражение в дальнейшем творчестве, — сказала А. Ковальская.

Вечер приняла участие большая группа советских поэтов и переводчиков. В заключение состоялся концерт с участием артистов московских театров.

На вечере присутствовал Чрезвычайный и Полномочный Посол Польской Народной Республики в СССР В. Лейковский.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 122 (3151)

Четверг, 15 октября 1953 г.

Цена 40 коп.

Земля ждет агронома...

Иван ЕГОРОВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

Тракторы пахут землю, плотную, как асфальт, просохшую до самой полноты. Новые межи паутот стираются и выходят из строя очень быстро. Из колхозных кузниц, из мастерских центральной усадьбы и со складов непрерывно походят новые и реставрированные межи.

Так пахут забор на полях Дубовской, Горно-Волыновской, Горно-Пролетарской МТС Сталинградской области. Последний дождь прошел здесь весной. Сегодня на дворе октябрь. За пять месяцев набегало лишь несколько тучек; они покрывали поля стоком, что в метеосводках были отмечены, как слабая облачность без осадков.

Трудно в этих местах вести земледелие. А люди привыкли, вытянулись, работают, засевают огромные площади пшеницы, ржи, ячменя, проса, горчицы, арбузов, дынь. Базальное бы, устойчивая засуха должна вырывать урожаи на разных площадках под одну гребенку. Нет! Урожаи в различных МТС и колхозах неодинаковые. Стало быть, и в неблагоприятных условиях есть пути к закреплению и повышению урожаев. Это нелегкие пути, требующие неустанный работы агрономической мысли.

Разумеется, есть готовые, давно сложившиеся рекомендации по каждой сельскохозяйственной культуре: по срокам сева, по способам обработки земли, по подбору сортов и т. д. Но плох тот механизатор, тот агроном, который будет полагаться на готовые рецепты.

По весне в колхоз имени Сталина, Дубовской МТС, приехал из Сталинграда уполномоченный — агроном «Обсортсезов» тов. Карпов. Он увидел картину, которая его расстроила и возмутила. Тракторы восьмой бригады МТС, приняв паутот без остатка, перепахивали на большой площади зыбь и слякоть арбузов...

— Прекратите, товарищи, — посоветовал Карпов. — Пройдите зыбь своими культурными, — больше ничего не требуется. Нельзя терять почву повторной пахотой, помогать ее неуместно, — это же губное дело!

Агроном Карпов оставил в бригаде суровое письменное заключение: «Более чудовищного нарушения агротехники я нигде не видел».

Механизаторы и колхозники смущались. Как быть? Ведь за грубые, за «чужовские» нарушения агротехники по головке не гладят...

Селом подехал главный агроном Дубовской МТС тов. Климов; он прочел карповское заключение и распустился: — Продолжайте, товарищи, работать по моим указаниям! За эти поля я отвечаю. Советов тов. Карпова не принимать во внимание...

— Ну, а в случае чего... Оно же — областное начальство... Пахота, расход горючего... Завтрак, обед, а то еще и с сельхозом потащат — за «чужовские»... Рискуют ты человек, Евгений Осипович!... Успокойтесь, товарищи! Ни вы, ни я ничем не рискуем. Мы действуем наверняка...

Не станем описывать беседу агронома с колхозниками и трактористами. Забегая вперед, скажем: на площади в 84 гектарах, посеянных и обработанных по указаниям агронома Климова, получен очень большой урожай, — он в двенадцать раз превышает урожай, полученный на базах, которые обрабатывались по типовым правилам агротехники, по тем правилам, на которых так настаивал агроном Карпов из «Обсортсезов».

Климов нарушил эти агроправила. Нарушил их и главный агроном соседней Горно-Волыновской МТС Иван Васильевич Гайдалин — вернее, ему колхозы в результате «нарушения» получили двенадцатикратный прирост урожая на базах, а это дело колхозам сотни тысяч рублей дополнительного дохода.

Агрономы Климов и Гайдалин оказались сильнее агронома Карпова потому, что они работают на земле, имеют дело с землей. Карпов же вынужден иметь дело преимущественно с бумагами, с «правилами», и он не успевает заметить, что эти «правила» устарели, что их необходимо исправлять по Климову и по Гайдалину, накопившим большой практический опыт.

Двадцать восемь лет работает агрономом Евгений Осипович Климов. После тяжелых ранений на фронте был у него небольшой период «тихой» работы в районной конторе госинспекции по качеству сельскохозяйственных продуктов.

— Скажите или не скажите? — Не надо портить хорошего собрания. С Пригариным потом разберемся... Оказалось, что Пригарин, узнав, что «трактористы разбогатели», сделал из этого свои выводы. Пригарин торгует арбузами по 30 копеек за килограмм для любого покупателя, будь то колхозник или приезжий человек. По этой цене он отпустил арбузы и трактористам, а позже распорядился: с трактористов взыскать по полтора рубля за килограмм, — они вынуждены богаче...

Пригаринский дух в отношении к специалистам сельского хозяйства и механизаторам кое-где еще чувствуется. Пример: все четыре участка агронома Дубовской МТС — Демидова, Байбурова, Безверхий и Дьяконова — пешеходы. Да и главный агроном Климов затрачивает целые часы на дискуссии с директором МТС М. Гребенниковым и инженером-механиком Г. Буйновым о праве выезда в степь по своему желанию, а не в качестве полутракториста...

А сколько времени главный агроном затрачивает на дискуссии с агрономами областного управления сельского хозяйства и заготовок! Там пятьдесят агрономов. Добрая половина из них знает, что в Дубовской МТС «потеряно» 600 гектаров пахотоспособной земли. Молодой землеустроитель из области два года тому назад при составлении плана землеустройства колхозов Дубовской МТС вписал в документы несуществующие участки земли площадью в 600 гектаров. С тех пор в областном аппарате привыкли к этим «участкам», — вписывают их в план подъема паров, в план сева, а когда оказывается, что горючее на них не расходуется, пишут: «Вспахано тягло»...

Знаем, что этих участков нет. Но... план землеустроителя утвержден, ничего нельзя поделать... Серьезному старому агроному предлагается «как-нибудь проводить эти участки, лишь бы было по форме». Такова сложившаяся сила бумаги. Агроном Климов с несокрушимым оптимизмом утверждает:

— И это преодолеем, теперь преодолеем! Ведь там, в кабинетах, непохожие люди. И как только они выйдут в поле, — сначала нехота, с ворчаньем, с ссылками на семейные обстоятельства, потом заинтересуются, войдут во вкус, — и силы наши устоят...

С нетерпением жлет подкрепления директором Горно-Волыновской МТС И. Зайцев. У него крепко прихворнул главный агроном Гайдалин.

— Плохо мне нынче, — жалуется Зайцев. — Ведь агроном — это мой отец. Хотя я и проработал на этом месте двадцать лет и уже маленько разбираюсь в земледелии, да ведь на моих плечах — техника, организация. Не успеваю иной раз охватить картину жизни растений, понять, чего оно от меня хочет сегодня. А у агронома душа безотлучно при растениях, он видит, слышит, чувствует растение, обобщает его требования и решительно предъявляет их нам, механизаторам. За это мы и пеним и любим нашего агронома... Видим мы и работу специалистов районного управления сельского хозяйства и заготовок... Неважная у них жизнь. Сидят, как в колоде, и ясного неба над собой видят не больше, чем из колоде. Оттого они и пишут нам так много бумажек — от скучной жизни пишут! А нам люди нужны. И встретим мы их ласково, заботливо. Обжигуется — увидят, что жизнь у нас куда полнее, куда интереснее, чем у них. Валь именно на полях решаются вопросы обилия. И первое слово принадлежит, конечно, агроному...

И в этом ласковом говоре слышится хитринка старого степняка. Хочется ему залезть в степь как можно больше колхозных, энергичных людей. В «колоде» пока не отключаются. Велика еще сила привычки, тяготение к письменному столу, к бумаге, к «пасажному метечку»... Но старый механизатор уверен:

— Отключаются. Сами поймут, что не время отключаться. А нет, так подсажут. Потом их отсюда и вальчем не выманить... Тут, кстати, и Сталинградское море скоро забушует под боком, ветерок будет прохладнее, деревья потянутся — еще веселей заработает...

Замечательная пора наступает. И работа будет замечательная! Даем обязательство работать во всю нашу силу. А чуть в сторонке перешептывались молодые трактористы:

— Скажите или не скажите? — Не надо портить хорошего собрания. С Пригариным потом разберемся... Оказалось, что Пригарин, узнав, что «трактористы разбогатели», сделал из этого свои выводы. Пригарин торгует арбузами по 30 копеек за килограмм для любого покупателя, будь то колхозник или приезжий человек. По этой цене он отпустил арбузы и трактористам, а позже распорядился: с трактористов взыскать по полтора рубля за килограмм, — они вынуждены богаче...

Пригаринский дух в отношении к специалистам сельского хозяйства и механизаторам кое-где еще чувствуется. Пример: все четыре участка агронома Дубовской МТС — Демидова, Байбурова, Безверхий и Дьяконова — пешеходы. Да и главный агроном Климов затрачивает целые часы на дискуссии с директором МТС М. Гребенниковым и инженером-механиком Г. Буйновым о праве выезда в степь по своему желанию, а не в качестве полутракториста...

А сколько времени главный агроном затрачивает на дискуссии с агрономами областного управления сельского хозяйства и заготовок! Там пятьдесят агрономов. Добрая половина из них знает, что в Дубовской МТС «потеряно» 600 гектаров пахотоспособной земли. Молодой землеустроитель из области два года тому назад при составлении плана землеустройства колхозов Дубовской МТС вписал в документы несуществующие участки земли площадью в 600 гектаров. С тех пор в областном аппарате привыкли к этим «участкам», — вписывают их в план подъема паров, в план сева, а когда оказывается, что горючее на них не расходуется, пишут: «Вспахано тягло»...

Знаем, что этих участков нет. Но... план землеустроителя утвержден, ничего нельзя поделать... Серьезному старому агроному предлагается «как-нибудь проводить эти участки, лишь бы было по форме». Такова сложившаяся сила бумаги. Агроном Климов с несокрушимым оптимизмом утверждает:

— И это преодолеем, теперь преодолеем! Ведь там, в кабинетах, непохожие люди. И как только они выйдут в поле, — сначала нехота, с ворчаньем, с ссылками на семейные обстоятельства, потом заинтересуются, войдут во вкус, — и силы наши устоят...

С нетерпением жлет подкрепления директором Горно-Волыновской МТС И. Зайцев. У него крепко прихворнул главный агроном Гайдалин.

— Плохо мне нынче, — жалуется Зайцев. — Ведь агроном — это мой отец. Хотя я и проработал на этом месте двадцать лет и уже маленько разбираюсь в земледелии, да ведь на моих плечах — техника, организация. Не успеваю иной раз охватить картину жизни растений, понять, чего оно от меня хочет сегодня. А у агронома душа безотлучно при растениях, он видит, слышит, чувствует растение, обобщает его требования и решительно предъявляет их нам, механизаторам. За это мы и пеним и любим нашего агронома... Видим мы и работу специалистов районного управления сельского хозяйства и заготовок... Неважная у них жизнь. Сидят, как в колоде, и ясного неба над собой видят не больше, чем из колоде. Оттого они и пишут нам так много бумажек — от скучной жизни пишут! А нам люди нужны. И встретим мы их ласково, заботливо. Обжигуется — увидят, что жизнь у нас куда полнее, куда интереснее, чем у них. Валь именно на полях решаются вопросы обилия. И первое слово принадлежит, конечно, агроному...

И в этом ласковом говоре слышится хитринка старого степняка. Хочется ему залезть в степь как можно больше колхозных, энергичных людей. В «колоде» пока не отключаются. Велика еще сила привычки, тяготение к письменному столу, к бумаге, к «пасажному метечку»... Но старый механизатор уверен:

— Отключаются. Сами поймут, что не время отключаться. А нет, так подсажут. Потом их отсюда и вальчем не выманить... Тут, кстати, и Сталинградское море скоро забушует под боком, ветерок будет прохладнее, деревья потянутся — еще веселей заработает...

Замечательная пора наступает. И работа будет замечательная! Даем обязательство работать во всю нашу силу. А чуть в сторонке перешептывались молодые трактористы:

Международные отклики

ПРОБЛЕМА ТРИЕСТА

Как уже сообщалось, 8 октября правительства США и Великобритании заявили о своем решении передать правительству Италии управление зоной «А» Свободной Территории Триест. Это решение означает раздел Триестской территории, целостность которой предусмотрена в Марном договоре с Италией, подписанном в 1947 году.

Совершенно очевидно, что в результате англо-американского решения о разделе Свободной Территории Триест угроза миру и безопасности в этом районе возрастет. Даже буржуазная печать вынуждена признать, что этот сепаратный акт способен вызвать новые осложнения. Англичанская газета «Обсервер» отмечает: «Характер этой акции раскладывает как раз те страсти, которые, как предполагалось, она должна успокоить... Мы, видимо, ввязались в рискованную игру, в которой нетерпение взлохотило над государственной мудростью».

Чем руководствовались правительства США и Англии, срывая выполнение условий Мирного договора с Италией? Не связано ли, между прочим, решение Англии и США о разделе Триеста прежде всего с их желанием укрепить позиции итальянского правительства накануне обсуждения в парламенте договора о «вероятном» обмене итальянских территорий? Не это ли, как премьер-министр Италии Пелла весьма прозрачно намекнул, что ратификация этого договора зависит от выполнения США и Англией обязательств в отношении Триеста. Швейцарская газета «Нейе Цюрихер цейтунг» подчеркивает, что на решение Великобритании и США «повлияли, вероятно, трудности, которые испытывает премьер-министр Италии Пелла».

Первые зарубежные отклики на советскую ноту по вопросу о Свободной Территории Триест свидетельствуют о том, что мировое общественное мнение высоко оценивает принципиальную и последовательную политику, проводимую Советским Союзом. Даже буржуазная газета «Монд» вынуждена была признать, что советская нота разоблачает нарушение Мирного договора с Италией и использует юридические аргументы, которые трудно опровергнуть. 12 октября Советский Союз принял новый шаг для мирного урегулирования Триестской проблемы. Постоянный представитель СССР в Совете Безопасности А. Я. Вышинский предложил созвать заседание Совета Безопасности для обсуждения вопроса о назначении губернатора Свободной Территории Триест. Одновременно представитель СССР направил председателю Совета Безопасности Вильяму Борбору советский проект резолюции Совета Безопасности, в котором предлагается назначить губернатором Свободной Территории Триест полковника Флюкингера; немедленно ввести в действие положение о временном режиме Свободной Территории Триест; созвать в соответствии с условиями мирного договора Временный Правительственный Совет Свободной Территории Триест; ввести в действие постоянный статут Свободной Территории Триест в трехмесячный срок с момента назначения губернатора.

К СОБЫТИЯМ В БРИТАНСКОЙ ГВИАНЕ

Положение в Британской Гвиане. В Британской Гвиане, английской колонии в Южной Америке — продолжает привлекать внимание иностранной печати. Основные события, развернувшиеся там с начала октября, известны читателю.

В последнее время иностранная пресса настойчиво подчеркивает, что Соединенные Штаты Америки активно поддерживают действия английского правительства, посланного войска и военные корабли в эту колонию. Чем обусловлен интерес США к Британской Гвиане?

Британская Гвиана занимает важное стратегическое положение на побережье Атлантического океана. Колония граничит с латиноамериканской республикой Венесуэлой, которая является крупнейшим поставщиком нефти и железа для Соединенных Штатов. Недалеко от Британской Гвианы, в английской колонии Гриннада, находится американская военно-морская база. В самой Британской Гвиане во время войны были размещены американские войска и до сих пор сохраняются арсеналы военно-воздушных сил США. Это, как извещает прашую войска, помнит проблему «самого узкого места» Атлантики — сравнительно узкой части океана между западным выступом Африки и восточным выступом Южной Америки, — подчеркивает английская «Сан-дайм»... Британская Гвиана расположена немного севернее этого места, но не так далеко, чтобы самолеты и подводные лодки, которые могли бы базироваться на ней, не смогли оказать сильного влияния. Соединенные Штаты имеют важную воздушную базу в этой колонии. Все это хорошо, но положение тех, кто занимает эту базу и пользуется ею, может стать весьма затруднительным, если среди населения будет усиленно вестись агитация за ликвидацию этой базы».

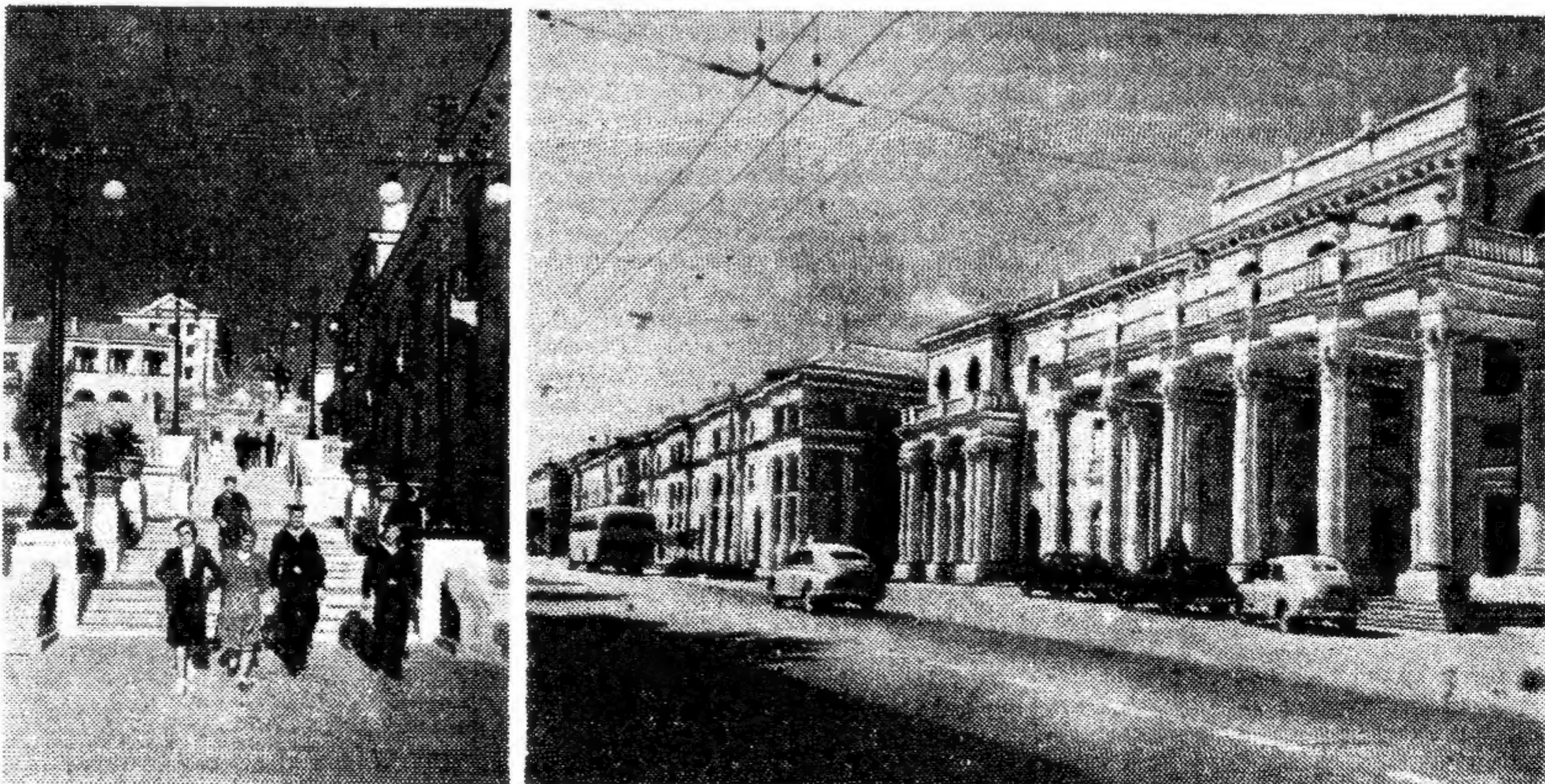
США, как и Англия, обладают крупными капиталовложениями в этой колонии. Для Англия это — основной поставщик сахара. Американские тресты вместе с английскими и канадскими контролируют добычу золота, алмазов и бокситов.

Совершенно ясно, что англо-американские империалисты отнюдь не устраивают приход к власти в Британской Гвиане народно-прогрессивной партии, возглавляющей движение за национальное освобождение страны. Недалеко американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» назвала «драматическим исходом» выборов создание весной нынешнего года демократического правительства в Британской Гвиане. И характерно также, что одной из первых мер английского генерал-губернатора, получившего после отстранения от власти демократического правительства всю полноту власти, было заявление, что действие новой конституции, несколько расширившей права народа, будет приостановлено.

Английская печать прямо пишет, что США сыграли немалую роль в событиях в Британской Гвиане. Корреспондент «Дейли мей» Бродбент подчеркивает, что беспокорство правительства США, оказавшее решающим «в посылке английских войска в Британскую Гвиану».

Таковы некоторые факты, проливающие свет на события в Британской Гвиане.

ЛИТЕРАТОР

Строится, хорошеет город-герой Севастополь. На снимках (слева направо): Таврическая лестница; Нахимовский проспект. Фото И. Агуденно

КНИГА БОЛЬШИХ ИДЕЙ

В. ЖДАНОВ

Есть книги, против которых бессильно время. К таким книгам относятся «Очерки гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевского. Надвинулось новое издание классической работы великого критика-демократа. Перечитывая эту книгу, созданную почти сто лет назад, снова и снова испытываешь чувство гордости за русскую науку: неугасающая сила мысли, острота критического анализа соединяются в работе Чернышевского с громадной научной эрудицией, с подлинным блестящим изложением.

«Очерки» впервые были напечатаны, как известно, в «Современнике» в 1855—1856 годах. По цензурным условиям автор не имел возможности назвать в первых четырех очерках имя Белинского и совсем не мог упомянуть Тургенева. Но критик-революционер выработал свои приемы борьбы с царской цензурой. Он называл Белинского («в первых очерках») критиком гоголевского периода, «мозаикой противником Полевого», а Тургенева имел в виду, когда писал «г. Огарев и его друзья». Искусно преодолевая цензурные препятствия, Чернышевский сумел дать широкую и разностороннюю картину развития русской общественно-критической мысли первой половины XIX века. Он подверг глубокому анализу идейный и эстетический рост русской критики, стремясь продолжить дело, начатое статьями о Пушкине и других работами Белинского, которые должны были составить историю русской литературы.

Ни Белинскому, ни Чернышевскому не удалось завершить задуманные ими грандиозные труды, но именно они создали первые научные и в то же время насыщенные пафосом революционной борьбы исследования по истории отечественной литературы. Именно они, а не Пилинг, не Веселовский и не другие либерально-буржуазные литературоведы, заложили фундамент этой науки. «Очерки гоголевского периода русской литературы» — лучшее тому доказательство. Чернышевский дает в своей книге анализ литературного процесса, он обобщает все доступные исследователю факты и материалы, в частности, относящиеся к истории критики, подробно характеризует журналы, литературные направления и творчество их наиболее видных представителей.

В сожалею, запятанная работа Чернышевского в советском литературоведении еще не получила достойной оценки как исследование по истории русской литературы, сохранявшее свое значение и по сию пору. Автор последовал к новому изданию «Очерков» Н. В. Гоголевский не коснулся вопроса о роли Чернышевского как историка литературы, хотя общая оценка труда великого критика дана Н. В. Гоголевским правильно и настолько последовательно интересно.

Рассматривая и оценивая литературные явления первой половины XIX века, Чернышевский уделяет главное внимание формированию критического, объективного реализма. «Очерки гоголевского периода» являются своеобразным манифестом этого направления в 50—60-е годы, когда либерально-дворянско-академичекой и новой силой ополчились против Гоголя и его школы, пытаясь противопоставить им Пушкина как якобы сторонника искусства, оторванного от жизни. Чернышевский разоблачил эту клевету на величайшего русского поэта. В то же время критик-революционер считал наиболее важным для развития русской литературы «гоголевское» направление, завладевшее объективным социальным взглядом, в борьбе против лжи и пошлости, за освобождение человека. «Пушкина давно уже все признали великим, неоспоримым великим писателем; имя его — священный авторитет для каждого русского

Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы. Гослитиздат. М. 1953. 422 стр.

читателя», — пишет Чернышевский. За Гоголем же нужно еще бороться, его учеников и последователей нужно поддерживать, ибо они подвергаются гонениям за свои идеалы. Со страстью говорит об этом Чернышевский. Он использует красочный образ: «...никогда «незловобытный» поэт не может иметь таких страстных почитателей, как тот, кто, подобно Гоголю, «впитывая груду лести», ко всему являющему, пошлому и пагубному, «сравненным словом отращивает» против всего гнусного «проповедует любовь» к добру и правде».

Чернышевский прямо указывает, что Гоголь явился главою целого движения, направленного против угнетения и деспотизма. «Гоголю многим обязаны те, которые нуждаются в защите; он стал во главе тех, которые отрицают злое и пошлое. Потому он имел славу возбудить во многих вражду к себе. И только тогда будут все единичными в похвалу ему, когда исчезнет все плохое и низкое, против чего он боролся». Революционным пафосом согреты эти слова. Чернышевский призывает русских людей, трудящихся и угнетенных, нуждающихся в защите, объединиться под знаменем гоголевского направления. Так Чернышевский идет от литературы к революционной деятельности, ибо литература была в его глазах одной из форм борьбы народа за освобождение, а собственная критическая работа — важным политическим делом.

В первых главах книги Чернышевский решительно выступает против реакции, против критики, которая в 30-е годы преследовала Гоголя за его объективное направление. Полемику с Полевым, высмеивая Семеновского и Шевырева, Чернышевский, конечно, имел в виду и современных ему критиков типа Дружинина, которые в 50-е годы, пользуясь приемами своих предшественников, продолжали воевать против переломных писателей-реалистов. Лишь в статьях Белинского Чернышевский увидел справедливую и глубокую оценку значения Гоголя и гоголевского направления. Написав своим читателям о Белинском, восклицает это славное, бывшее под запретом имя, Чернышевский открыто заявил себя его последователем; он воссоздал, утвердил в русской критике замечательные революционно-демократические традиции Белинского. Это великая заслуга Чернышевского перед русской литературой.

Нечетко и последовательно боролся критик за утверждение национальной самобытности русской литературы. В противовес различным толкователям творчества Пушкина, Лермонтова, Гоголя, усматривавшим в их произведениях один лишь за рубежом влияния, Чернышевский подчеркивал оригинальность и самостоятельность русской литературы, выступал против космополитического истолкования творчества русских писателей. Он с негодованием писал о Шевыре, который в статье о Пушкине не сказал ни слова о содержании и значении его поэзии, но зато усердно сравнивал русского поэта с Рафаэлем, то с Кановой. За живыми похвалами Пушкину критик-демократ увидел стремление приписать, оскорбить великого национального поэта. То же самое писал Шевырев о Лермонтове и даже о Гоголе. Автор «Ревизора» и «Мертвых душ» был, по Шевыреву, всего лишь подражателем Тива и Гофмана. Отвечая эти неслесные сопоставления, Чернышевский иронически восклицал: «Же после этого «Песня о Калашникове» не есть ли подражание «Генуи Берлихингену»? ведь у Гете тоже изображена вальдштетская «жужжающая права».

Низкопоклонство перед западной культурой, широко распространенное в либерально-дворянских кругах, не могло не

вызывать гневного протеста революционно-демократической критики. Разоблачая псевдоученых, заносивших руку на величайшие сокровища русской национальной культуры, Чернышевский писал о том же Шевыре: «...удивительно покажется то, что на «Мертвых душах», по мнению критика, ярко отразились итальянские краски, что талант Гоголя воспитан не русскою жизнью, а итальянскою природою и картинами Рафаэля, не беседами с русскими людьми, а общением с итальянскими живописцами». Всем этим антипатристическим рассуждением Чернышевский противопоставляет мнение Пушкина, подчеркивая Белинского, который всесторонне раскрыл исторический смысл творчества Гоголя, вынес его место в русской и мировой литературе.

Большая часть «Очерков» посвящена наследию Белинского; Чернышевскому впервые предстояло оценить подлинное значение деятельности критика, охарактеризовать его идейное развитие, раскрыть величие его борьбы за передовую демократическую литературу. Одновременно он должен был встать под защиту идеи Белинского, отстоять их от нападок многочисленных врагов. Чернышевский с блеском выполнил эти задачи. Он определил роль Белинского в формировании русской национальной культуры, дал исторически справедливую оценку того вклада, который был внесен им, а также Тургеневым, в развитие русской общественной и литературной мысли. «...умственная жизнь нашего отечества», — горделиво писал автор «Очерков», — произошла людей, которые шли навстречу с мыслителями Европы, а не в свете их учения».

Как это ни странно, до сих пор еще в академических кругах иногда прославляют скептический взгляд на научное значение работы Чернышевского. Его недостаточно широко используют при изучении идейно-творческого пути Белинского, хотя несомненно, что в этом отношении он полностью сохраняет свое значение драгоценного первоисточника.

Обобщая свою характеристику деятельности Белинского, Чернышевский писал: «...немного найдется в нашей литературной истории явлений, вызванных таким чистым патриотизмом, как критика гоголевского периода. Любовь к ближнему была единственным страстью, которая руководила им: каждый факт искусства ценила она по мере того, какое значение он имеет для русской жизни. Эта идея — пафос всей ее деятельности. В этом пафосе и тайна ее собственного могущества». Оценивая благотворное влияние Белинского на развитие русской литературы, Чернышевский мог с гордостью назвать целую галерею имен писателей, сложившихся под непосредственным воздействием революционно-демократической критики. По пути, указанному Белинским, вслед за Гоголем пошла Некрасов, Тургенев, Герцен, Гончаров, Островский, Салтыков-Штрин, Лев Толстой и другие крупнейшие мастера русского слова, прославившие на весь мир отечественную литературу. В формировании этих писателей немалую роль сыграла передовая русская критика: Белинский и его продолжатели — Чернышевский и Добролюбов.

«Очерки гоголевского периода» — книга больших мыслей. Она учит советскую критику оценивать литературу с точки зрения живых потребностей современности, учить направлять внимание писателей на решение острых и злободневных вопросов жизни общества. Труд Чернышевского по истории русской литературы напоминает о том, что только на пути истинности можно достичь объективного и глубокого понимания литературных явлений. Эта книга, проникнутая духом борьбы, советскую критику к высокой принципиальности, идейности, непримиримости ко всему, что тормозит развитие нашей литературы.

...только. Но это лишь в том случае, если бы Виктор приторчал нам свою душу. Этого-то и нет в песне... А могло быть совсем иначе. Но для этого надо было, чтобы писатель дал нам возможность встретиться с Виктором в тот момент, когда созревало в нем суровое осуждение собственного жизненного поведения, чтобы и в этот момент он — как характер — оставался самим собой и разрывался нам в каких-то новых своих чертах. Это, наверное, очень трудная художественная задача, но, право же, стояла драматургу отважиться на ее решение.

3. С. Алашин назвал свою новую пьесу «Строгая девушка» комедией. И в самом деле, в ней есть комедийное начало — его олицетворяют клубный работник Хорохов и комсорг цеха Малашина. Можно сказать, что Малашина — это сатирический образ, настолько зло, резко вынесенный в нем те космополитические бюрократы, для которых существуют лишь мерсерия, но нет людей, нет живого дела. Превосходно первое повествование комсорга с портфелем на молодежном маскарerade. Выяснив некоторые вопросы, он спрашивает комсорга душо:

— Как с веселее? Два слова, а видишь в них закоренелый бюрократ и делата, образ которого останется члнком до конца произведения. Есть в пьесе и другие комедийные элементы — эпизоды, реплики. Но в целом «Строгая девушка», конечно, не комедия. Это лирическая пьеса о девушке, которая пришла на завод из фотографии, увидела новую жизнь, постепенно вошла в нее, полюбила парня, сталлонеца-рекордиста, а парень оказался плохим. Трудно Тоне Гуляевой — и дело долго не лаялось у нее, и платья красивого нет, и любовь не дает ей покоя... Впрочем, вскоре парень оказался хорошим, Тоня стала лучшей сталлонецкой, и, ставшая, она едет в рабочей делегации за границу.

Но скроем, обидно, что писатель так быстро «устроил» тонину жизнь, не дал нам заглянуть в душу девушки, ничем не примечательной, а просто хорошей, чистой, жизнь которой совсем нелегка. Но, разумеется, дело драматурга — направлять жизнь своей героини, и мы послушно идем за ним. Послушно, но с требовательным желанием все понять и во все поверить.

Тоня Гуляева полюбил красивого, веселого парня, отличного работника Ваську Гуляева, слава которого гремит по заводу. Кто же этот Вася? После того, как Тоня впервые поцеловала его и спросила, любит ли он ее, Гуляев ответил: — Зная, Тонечка, если по чести ска-

зать, то я про любовь вот как думаю. Придуманно, по-моему, тут, наверное, больше... Вот читается иногда в книгах — жить, говорить, без тебя не могу... Свет, например, без тебя не мля... Ну, и так далее... Чепуха это, я так считаю... Это раньше, когда людям делать было нечего, тогда, может, так и любил. А теперь — трудное дело человека — вот главное. Без работы, действительно, что за жизнь? А любовь...

Кто мог так сказать? Безнадежный ханжа или закоренелый пиник? А быть может, это просто мальчишеское гасерство, напускающая лихость принявшего в легком победном шалопане? Надо полагать, драматург, сочиняя эту реплику, склоняется к такому толкованию, но и в этом случае Гуляев выглядит не только пошляком, но дураком, ибо сколько-нибудь умный человек не будет излагать подобные взгляды на любовь девушке, которая впервые полюбила.

Да, нелегкая жизнь предстоит Тоне, — она ведь любит Гуляева, несмотря на то, что. Разве это не драматическое положение? Наверное, немало слез пролила Тоня, не раз задумывалась о самом главном в жизни, и радость ее заводских будней омрачалась неразделенной любовью. Как разрешить этот вечный вопрос...

Потом, драматург отказался от решения такой художественной задачи — он привел Тоню и Гуляева в счастливой любви. Мы готовы порадоваться за Тоню, но нам же все это произошло, что перемены в Гуляеве за время между застенчатой встречей на карнавале и финальной сценой на аэродроме?

На протяжении пьесы до ее финала Гуляев ни разу, ни одним словом не обмолвился о своей любви к Тоне, о том, что он по-новому судит о любви, ни одним поступком не показал, что что-то изменилось в его жизни, взглядах, поведении. Однажды он пришел к Тоне, — повидимому, хотел сказать о себе, о своей любви, — но не сказал, обмолвившись, разозлившись на то, что Тоня сказала ему: «Все прошло...» А как же она могла сказать, будучи глубоко оскорбленной? В иррегуляр Гуляев увидел Тоню Куликову снейшей во время работы и отказался подписывать акт о грубом нарушении ею трудовой дисциплины. Он даже защищал Тоню, обещал ей поддержку на комсомольском бюро. Но ведь по пьесе Тоня в самом деле заслуживала снисхождения и, право же, ее поддержал бы самый тонин товарищ, если он не похож на беззубного бюрократ Малашикина. И еще Гуляев встретился с Тоней на совещании у парткома по вопросу о борьбе с потерями, где грубо обрушился на нее.

Вот все, что произошло между Гуляевым

К ПЛЕНУМУ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ФОРМАЛЬНАЯ ОПЕКА ИЛИ ТВОРЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО?

Бор. ЛАВРЕНЕВ, Вл. ПИМЕНОВ

Немало новых пьес появилось в журналах, по большинство из них выпущено в свет репертуарно-редакторским отделом Управления театров Главлитискусства. Справедливо ради надо отметить, что в результате работы этого отдела в театрах идет меньше плохих инсценировок и слабых, недовыработанных пьес; пьесы московских авторов быстрее доходят до театров. Но тем не менее должного порядка во всей работе по созданию нового репертуара еще нет.

Дело о рассмотрении, разрешении, рекомендации и распространении новых драматических произведений поставлено неудовлетворительно. Формирование репертуара во многих театрах и репертуарная деятельность органов Главлитискусства все еще не носят творческого характера, ведутся по административным методам.

Главлитискусство и его организации на местах были упразднены в 1951 году, потому что контроль за репертуаром выполнялся в административном, при котором пьесы механически разрешались или запрещались. Театры наполнялись потоком слабых, ремесленных, порочных в идейно-художественном отношении пьес, культурных инсценировок и переломов. Стоит напомнить, что, по предложению Союза советских писателей, Комитет по делам искусств снял с репертуара театров свыше 50 таких инсценировок и переломов.

В то же время Главлитискусство долгие месяцы, а иногда и годы, не разрешала острые, актуальные по своему содержанию пьесы: «Под золотым орлом» Я. Галана, «За вторым фронтом» В. Собко и другие. Главлитискусство вспоминалось в творческую работу драматургов и часто требовал внести в пьесу исправления, идущие вразрез с идейным замыслом и всем художественным строем произведения.

После упразднения Главлитискусства в Комитете по делам искусств СССР, в комитетах и управлених союзных и автономных республик были созданы репертуарно-редакторские отделы. Они должны были вести творческую работу с писателями, рассматривать, рецензировать и обсуждать пьесы, опираясь на широкий актив драматургов и критиков, направлять деятельность писателей и театров. Все это могло бы способствовать оживлению творческой деятельности драматургов и театров.

Однако практика последних двух лет показала, что в работе репертуарно-редакторских отделов еще существуют большие недостатки. Органы Главлитискусства неправильно поняли свои функции и в стремлении административно централизовать весь процесс создания репертуара и выпустить пьесы извещали даже Главлитискусство.

Сейчас все новые драматические произведения должны обязательно проходить через репертуарно-издательский отдел Главлитискусства, через руки его 12 редакторов. Если учесть, что за год в этот отдел поступает свыше 1000 пьес от профессиональных писателей непосредственно, от начинающих драматургов, от местных управлений искусств и театров, нетрудно себе представить, как узка эта единственная дверь.

Такой порядок рассмотрения новых пьес привел к тому, что немногочисленные сотрудники отдела даже не коллективно, а в одиночку решают судьбы драматических произведений. Подобного положения нет ни в одном жанре литературы. Произведения поэзии и прозы, очерки и публицистика могут быть напечатаны в любой газете и журнале, изданы в издательстве, если их приняла та или иная редакция. Ведь в каждом издательстве есть редакционный совет, в котором формируются общественное мнение о рукописи. Пьесы же для того, чтобы ее поставили театр, может быть рассмотрена только одной инстанцией: репертуарно-редакторским отделом Главлитискусства. Причем были попытки даже реколлегиировать журналы запретить рассмотрение пьес и их публикацию. Так, например, журналу «Сибирские огни» вначале было запрещено печатать пьесу В. Лаврентьева «На просторах» на том основании, что с ней не ознакомлен репертуарно-редакторский отдел Главлитискусства. Издательство

«Искусство» и сейчас может печатать пьесы только после их рассмотрения в отделе. Если же издательство выпустит пьесу без визы отдела, то такая пьеса не имеет права на постановку в театре, а является так называемым «литературным вариантом».

Взвалив на репертуарно-редакторский отдел непосильную обязанность, руководители Главлитискусства толкают его редакторов к ремесленным и стандартным методам работы, к бесконечному механическому повторению одних и тех же заданий авторам — углубить характеры, найти сюжетный ход, обострить конфликт, как будто применение общезвестных технических приемов и правил может привести к оригинальному творчеству. Редакторы отдела из-за огромной загрузки не могут стать творческими советчиками авторов.

Отвественная работа по редактированию пьес по плечу лишь высококвалифицированным, опытным и талантливым редакторам. Они есть в редакциях журналов, в издательствах, а репертуарно-редакторский отдел за настоящего времени недостаточно укомплектован редакторскими кадрами. Надо полагать, именно поэтому отдел выпускает в свет, как отредактированные, слабые пьесы: «Нотный звон», «Белый фургон», «Хозяин Голубой долины», «Вместе с нами», «Дон Иваницы», «Угрюм-река» и другие. Постепенно прекратилось в отделе общественное обсуждение новых пьес. Пьесы обсуждаются только узким и постоянным кругом одних и тех же сотрудников. Живое мнение творческих работников о пьесе автор не получает, — здесь он слышит только приговоры. Сотрудники отдела, среди которых есть и театральные критики, как, впрочем, и руководители работников Главлитискусства, почти никогда не выступают на совещаниях и обсуждениях пьес в Союзе писателей, в театрах, в печати.

Порядок рассмотрения рукописей в репертуарно-редакторском отделе превратился в затяжной и томительно долгий процесс с бесчисленными доработками по указаниям редакторов. Хорошо, если драматург москвич, он живет дома и без всяких неудобств переживает «редакционный период». Сложное положение автора с периферии. Он вначале приезжает для встречи с редактором; выслушивает его замечания, он уезжает домой и дорабатывает пьесу, чтобы затем вновь приехать в Москву для обсуждения нового варианта. Это повторяется три, четыре, а иногда и пять раз.

Наконец, разрешение получено; заказан был, тернистый путь пьесы закончен — она может стать достоянием театра. Но это далеко не так. Право театра на самостоятельный выбор пьес и до сих пор является блефом. Это надо делать обязательно через репертуарно-редакторский отдел. Более того, даже уже разрешенную пьесу театр, прежде чем включить в свой репертуар, должен представить в высшие органы учреждения искусства, где также есть сотрудники, руководящие репертуаром, и если им пьеса не понравится, то это отразится на судьбе пьесы в театре.

Серьезной помехой в работе театров является то, что многие из них не имеют средств для того, чтобы заключить договор с драматургом.

Система репертуарного контроля усложнилась еще одной мерой административного порядка. Разрешение на постановку пьес в театрах стало выдаваться на срок от года до трех лет. Таким образом, выходит, что идея, выраженные писателем в его пьесе, оказываются действительными... только на один год. К примеру, герои новой пьесы А. Сурова «Породочные люди» получили право жить на сцене до 1 января 1956 года, пьесы А. Козина «В краю родном»; В. Балабанова и В. Собко «100 миллионов» — только до 1955 года; пьесы В. Диконичкова и М. Сидоренкова «Два эта улица, где этот дом» — разрешена с 31 июля 1953 года до 1 августа 1954 года.

Сложная система прохождения пьес ставляет драматургов изыскивать способы

обхода атик трудностей. Русские писатели, живущие и работающие в союзных республиках, могут утверждать свои пьесы только в Москве; республиканские же организации имеют право разрешать пьесы, написанные на языке народа республик. И вот русский драматург, написав пьесу на родном языке, переводит ее на язык народа одной из братских республик и получает визу на постановку пьесы на сцене театров республик, кроме русских театров, работающих на территории этой республики. К примеру, русский драматург М. Шеремин, живущий в Узбекской ССР, написал пьесу «Пять зеленых тайн»; ее перевели на узбекский язык, узбекские организации разрешили ее, и пьеса идет в семи театрах Узбекистана на узбекском языке. Такие же трудности встречаются при постановке пьес драматургов братских республик в русских театрах. За последние пять лет по заказу Главлитискусства было переведено всего 33 пьесы с языков народов СССР. В аппарате Главлитискусства вопроса репертуара театров братских республик занимается всего лишь один сотрудник. Он принимает рукописи от писателей, дает оценку пьесам, ведет беседу с автором. Не зная ни одного языка народов СССР, не зная республик и их особенностей, такой работник не может быть реальным помощником драматургов и театров.

Чтобы улучшить работу по созданию нового репертуара, прежде всего надо изменить систему прохождения пьес по инстанциям, сократить с «сверхцентрализацией» творческого дела. Рассмотрение и редактирование пьес не может быть делом только репертуарно-редакторского отдела Главлитискусства СССР.

К работе с начинающими авторами надо смело привлекать театры. Союзу советских писателей и его отделениям на местах следует создать консультации, которые могли бы лучше, интереснее пьесы рецензировать театрам и Главлитискусству. Главлитискусство должно с полнотой заинтересованностью заняться работой по переводу лучших пьес народов СССР, и делать это следует не кустарно, а творчески, объединив лучшие силы переводчиков, привлекая к этому важнейшему делу опытных русских драматургов. Желательно восстановить издание репертуарного библиотечника, который должен быть органом Главлитискусства и Союза советских писателей и печатать библиографические сведения, аннотации и короткие рецензии на новые пьесы.

Пора, наконец, чтобы театры стали хозяевами своего репертуара. Между тем существующая система разрешения и распределения пьес по театрам породила неправомерное отношение к формированию репертуара со стороны самих театров. Не случайно, например, что, несмотря на то, что к началу нового театрального сезона появлялось немало новых пьес, многие театры до сих пор все еще не могут остановиться на определенных произведениях; они принимают, что комитет, разрешив пьесы, сейчас же и распределяет их по театрам. Так как большинство драматургов работало без связи с театром, то и оказывалось, что руководители театров сейчас обсуждают, принимают, отзываются и вновь принимают одни и те же пьесы.

Новые спектакли, и прежде всего спектакли на современные темы, должны широко обсуждаться. Где могут проходить такие обсуждения? Художественный совет при бывшем Комитете по делам искусств прекратил свое существование. Недостаток его работы заключался в том, что совет состоял из очень узкого круга лиц. Нам кажется, было бы очень полезно создать художественный совет при Главлитискусстве, в который вошли бы не только главные режиссеры, но и актеры, драматурги, критики, общественные деятели.

Государственное руководство творческой деятельностью театров — это отнюдь не малая опека. Глубокий смысл его состоит в том, чтобы политически направлять работу драматургов и театров, осуществлять контроль за формированием репертуара, поддерживать творческую инициативу театров и писателей и всячески поощрять художественную смелость в решении самых актуальных вопросов современности.

Больше держания!

Только реки сонные текут, Лыжи плывут, да облака плывут, Да базар шумит по воскресеньям...

Но в городке кипит жизнь. И Орлов пишет полные конкретности, сюжетные стихи. Перед нами встают «маленький, смешной и популярный» фотограф, засыпавший уже несколько поколений горожан; мастерица кружевной артели, «местный соловей» — певица Шура Карлаулина; мальчишка, гонимый над крышами голубей. — малые и знакомые нам живые люди. В стихах Орлова появилась точность не только внешнего описания, но и точность психологическая, без которой нет поэзия. В колхозном клубе идет кинофильм «Падение Берлина».

Механики и полеводы В шинелях сидят без погов, Они вспоминают походы, А зал в полутьме погружен. И как на сошедших с экрана Лихих лесных солдат, Украдкой на вестернов Притихшие жены глядят.

Как это хорошо сказано! Удачны стихи «Гудок над пристанью вечерней...», «Дербенное», «Старый буксир», «На повороте», «Начальник заставы», «Тиниша» и многие другие. В них есть острый поэтический глаз автора, хороший юмор и злая грусть.

Но вышла в этих стихах и небрежность С. Орлова. Орлов пишет, например:

Летят из окон на лица luna, Сном до утра смягченны. Тяжело в неуклюжих. Казалось бы, пустяк, но таких пустяков в книге очень много. Для юного неграмотного: А за окнами лето, в гимнастерки одето И с рассвета полсвета промчалось чуть свет.

Сергей Орлов — поэт ясного голоса. Его стихи можно было бы узнать, если бы они не были подписаны. Но изредка в стихах Орлова слышатся чужие интонации. На мой взгляд, в этом нет ничего страшного, а, наоборот, это интересно, так как пока-

зывает нам литературные привязанности и симпатии поэта. Такие вещи встречаются и у поэтов более опытных, нежели С. Орлов. Орлов пишет:

Внеш дерек, облака раскинув. День окончил все свои дела. Вышли на прогулку, Валентина, Вдоль по главной улице села. Мимо палисадников и оков, Тонкая, в батисте голубом... Ранний Прокофьев!

Или: Степь в далеких забоях звенит, как медь. Чутью реки с рекой связать. И об этом надо не только уметь, Надо право иметь сказать.

Тихонов! И тоже ранний. Это интересный факт. В стихах молодого С. Орлова — интонации молодого А. Прокофьева и молодого Н. Тихонова, интонация их лучших стихов.

А вот в стихотворении С. Орлова «Гудок над пристанью вечерней» (особенно в начале и в конце) явно чувствуется интонация А. Твардовского, причем Твардовского не раннего, а сегодняшнего, — автора путеводного денника «За далью — даль». Это, по-моему, тоже интересный факт.

Сергей Орлов написал хорошую книгу. Но все-таки книга эта не вызывает удивления. Прочитав ее, можно сказать: да, Орлов талантливый поэт. Но мы это знали и прежде. Да, стихи эти выше его военных стихов по мастерству и зрелости. Но мы и этого ждали. В книге много хороших и даже отличных стихов. Но в книге этой нет крупных удач. Создается впечатление, что автор как-то успокоился, сказал себе: «Хорошие стихи пишутся не каждый день». Многие в сборнике написаны слишком спокойно, вяло, словно нехотя. Это общая беда многих молодых поэтов, в том числе, возможно, и автора этих строк. А ведь же дерзать, как не в молодости?..

К. ВАНШЕНКИН

503838.